

Михаэль (Михаил) БЕЙЗЕР¹

Родился в Ленинграде в 1950 г. Закончил физико-механический ф-т Ленинградского политехнического института, работал программистом в ЦНИИ "Румб", затем в ВПТИ "Энергомаш".

С 1979 – отказник, активист еврейского движения: руководил домашним семинаром по еврейской истории и культуре, редактировал «Ленинградский еврейский альманах» (ЛЕА), водил экскурсии по еврейским историческим местам Ленинграда, участвовал в демонстрации семи отказников у Ленинградского обкома КПСС 23 марта 1987 года. В мае 1987 г. выехал в Израиль. В 1996 г. получил PhD по истории в Еврейском университете Иерусалима. В 1992-97 гг. работал в Центре по исследованию и документации восточноевропейского еврейства Еврейского университета (ред. журнала "Jews in Eastern Europe"). В настоящее время - лектор по истории евреев России и СССР на Кафедре еврейской истории и при Центре Чейза по развитию иудаики на русском языке Еврейского университета в Иерусалиме, зам. гл. редактора журнала «Вестник Еврейского университета», советник директора программ СНГ «Джойнта». Автор книг, изданных на русском, английском и иврите («Евреи в Петербурге», «Евреи Ленинграда, 1917-1939: национальная жизнь и советизация», «Наше наследство: Синагоги СНГ, прошлое и настоящее», "Американский брат. ""Джойнт" в России, СССР, СНГ" (соавтор – Михаил

¹ Текст опубликован в Н.В.Юхнева. Израиль. Материалы экспедиций и командировок. РАН МАЭ (Кунсткамера), Санкт-Петербург, 2010. С. 21-29

Мицель). Лауреат Анциферовской премии 2000 года (С. Петербург) и премии "Олива Иерусалима" (2005).

АВТОБИОГРАФИЯ²

Я родился 8 апреля 1950 г. в Ленинграде. Мой отец, Исраэль Моисеевич (по паспорту – Суля Мошкович) Бейзер (1911-1974) – родился и вырос в глухой украинской деревне Бронники Изяславского уезда. Сейчас это Хмельницкая область. Это не так далеко от Меджибожа, в котором до сих пор сохраняется могила основателя хасидизма Баал Шем Това. Мне отец не сообщил, была ли его семья хасидской или миснагедской. Папа был младшим сыном в семье, рано осиротел, воспитывался старшей сестрой. Никакого систематического школьного образования он не получил, а религиозное – только в раннем детстве. Иврита не знал, но умел читать некоторые молитвы. Со своим братом, жившим с конца двадцатых годов в США, переписывался на идише. Иногда, особенно помню из раннего детства, родители говорили между собой на этом языке.

Отцу пришлось немало прослужить в армии. Сначала – срочная служба на реке Уссури на Дальнем Востоке, потом финская война 1939-40, затем – оборона Ленинграда (1941-1942). На Отечественную войну отец пошел добровольцем из блокадного Ленинграда, был ранен весной 42-го. Ему ампутировали кисть правой руки и вывезли в тыл.

Моя мама, Рахиль Михайловна (Рохля Мэйлаховна) Бейзер (урождённая Медведева) родилась в 1917 г. в городке Клинцы,³ тогда – Черниговской губернии, а теперь – Брянской области. Её мать, моя бабушка, Доба-Мэра, дочь просвещённого меламеда, с одиннадцати лет осталась без матери, с шестнадцати - круглая сирота, была в нашей семье главной носительницей традиции. (Воспоминания бабушки см. в конце книги – Н.Ю.)

² Первая версия статьи написана в Израиле в октябре 1987 года. Опубликовано частично на иврите в 1988 году в Иерусалиме. См. Michael Beizer. "Peilut tarbutit-yehudit be-Leningrad," Yehudei Brit-Hamoatsot. Editor – David Prital. №11 (1988), Jerusalem: 132-8. Настоящий текст перед публикацией доработан автором и снабжен его примечаниями.

³ Мама умерла 15 декабря 2004 года в Иерусалиме.

Дедушка в НЭП был булочником. В 1932 г. он перевёз свою семью в Ленинград, так как только там, после обязательного рабочего стажа на заводе и рабфака дети «лишенца» могли рассчитывать на поступление в институт. Моя мама успела закончить фармацевтический техникум и вскоре была отправлена на финский фронт. В «освобождённом» Выборге они с отцом зарегистрировали свой брак. У меня есть две старшие сестры, Тэма и Роза.⁴ Обе они замужем за евреями.

Во время Отечественной войны бабушка вернулась к религии. Мне запомнился их дом в Левашове, пригороде Ленинграда, куда они переселились после выхода дедушки на пенсию в 1952 г. Кроме общей посуды, бабушка держала отдельную кошерную посуду для себя. В субботу зажигались свечи. Дедушка молился в ветхом талесе и тфилн (новый талес негде было достать). На косяке спальни была прикреплена *мезуза*. На пасхальные *седеры* бабушка властной рукой умудрялась собирать всю или большую часть семьи, включая русскую жену и русского мужа двоих из её шести детей, а также многих внуков. Она угощала нас *цимесом* и *имберлах*, заставляла прослушивать пасхальную Агаду от начала до конца, комментировала ее по-русски. В начале 60-х, когда мацу нельзя было купить в синагоге, бабушка пекла ее сама на большой кухонной плите. Бабушка иногда пыталась научить нас, внуков, еврейскому алфавиту и познакомить с главными сюжетами из Пятикнижья. Однако это её "мракобесие" рьяно пресекалось детьми-атеистами. Все же, именно от нее я впервые услышал о пророке Моисее и прекрасном Иосифе. Сейчас я понимаю, что тот левашовский дом, и по внешнему виду – обветшалый, вечно неотремонтированный, с покосившимся забором, козой (пока ее не отняли при Хрущеве) и курами, - и по царившему там быту – идиш, кошер, ссоры и взаимопомощь внутри одной большой семьи – этот дом являлся осколком местечка, случайно занесённом под Ленинград и сохранившемся вплоть до семидесятых годов.

⁴ Роза умерла 11 мая 2005 года в Израиле, в возрасте 58 лет. Старшая сестра Тэма живет в Иерусалиме.

Хотя уровень жизни советских евреев был выше среднего, я помню своё детство, как очень бедное. До 16 лет я жил в коммунальной квартире в одной комнате со всей семьёй. Во время войны в эвакуации у мамы умер в яслях годовалый ребёнок, поэтому она боялась отдавать меня и сестёр в ясли и детский сад, устроилась на работу только после того, как я, пошел в школу. Отец – инвалид Отечественной войны без образования - получал мизерную зарплату. На всю семью еды не хватало; в раннем детстве я помню мамины голодные обмороки. Высшее образование смогли дать только мне. Сёстры после семилетки пошли в техникум, чтобы вносить свою грошовую стипендию в общий котёл и быстрее начать работать. Тэма закончила заочный институт, когда ей было уже за сорок. Лет примерно до восемнадцати я обходился без телевизора, телефона, возможности покупать книги и выезжать летом на юг. Зато не обходилось без антисемитизма. Его было предостаточно на коммунальной кухне, в школе и во дворе, в пионерском лагере, куда меня впервые рискнули послать в четырнадцатилетнем возрасте, соблазвившись на бесплатную путёвку.

Моя жизнь изменилась к лучшему в девятом классе, когда я перешёл учиться в 239-ю математическую, лучшую тогда школу Ленинграда. Там я обнаружил непривычно тёплую атмосферу, эрудированных и способных, порой талантливых учеников, выдающихся учителей, клубы, диспуты, походы. В этой школе я избавился от комплекса «гадкого утёнка».

Появились созвучные друзья, круг чтения расширился и углубился. Я и сейчас иногда по разговору могу угадать выпускника 239-й школы.

Евреев и полуевреев у нас училось немало, и поэтому еврейские проблемы обсуждались почти открыто. Я помню, например, как мы с товарищем, Давидом Лейбманом, изъявили желание подготовить вечер еврейской поэзии в школьном литературном клубе "Алые паруса"⁵. Мы уже тогда знали, что есть Йехуда ха-Леви, Хаим-Нахман Бялик, Перец

⁵ По странной случайности, наши клубные литературные вечера проходили по пятницам, когда верующие евреи встречают субботу. По другой случайности в капитаны (председатели) "Алых парусов", избирались только евреи или полуевреи. Не случайным было то, что главным нашим интересом была русская литература.

Маркиш. Руководитель клуба, учительница русского языка и литературы Ида Ильинична Славина, отца которой расстреляли при Сталине, прямо не запретила, но всё же деликатно предотвратила осуществление этой затеи.

Помню ещё, что в девятом классе я вызвался на уроке географии делать доклад об Израиле. В своём докладе я защищал Израиль, а арабские страны называл агрессорами. Учительницу, видимо, не устроила моя позиция, но она поставила мне всё же четвёрку, не рискнув ссориться с классом.

Когда мы сдавали выпускные экзамены, готовиться к ним было совсем некогда, так как началась Шестидневная война. Помню, как мой товарищ, слушавший «голоса», в день какого-то экзамена прокричал мне через два лестничных марша: «Наши на Синае». Наше раздвоенное самосознание хорошо передается ходившим тогда анекдотом: "Хаим, ты слышал, как наши дали нашим на Синае?"

Окончив школу, я поступил на физико-механический факультет Ленинградского политехнического института. В момент поступления мне было известно, что, скажем, на физфак ЛГУ евреев не берут, а на физмех ЛПИ попасть пока ещё можно. Правда, распределять нас на работу в 1973 году институту было уже очень трудно. Времена изменились к худшему, а процент евреев среди выпускников был всё ещё высок⁶.

Наша студенческая жизнь была богата еврейскими событиями. В первом же семестре кто-то подбросил лектору истории КПСС записку, в которой оправдывались действия Израиля в Шестидневной войне. Подписали: "французы из Палестины". Лектор не осмелился ни ответить на эту записку, ни даже зачитать её вслух в нашем насыщенном евреями мехпотоке, а предпочёл физпоток, где было больше студентов из провинции, но и там ему не давали

⁶ Если бы ни мой тесть, полковник юстиции в отставке, я и моя тогдашняя жена Таня со своим "красным" дипломом могли легко остаться безработными. Тестю пришлось надеть поеденный молью мундир с орденом Красного знамени и поехать в Москву на прием к заместителю председателя Военной коллегии Верховного суда СССР – его бывшему подчиненному. Только тогда проблема трудоустройства двух молодых специалистов с физмеха была решена.

говорить. Потом на доске кто-то написал: "Французам из Палестины зарегистрироваться в профкоме".

У нас на потоке учился студент Веня Гросман, имевший дядю в Риге, откуда кое-кого уже начали выпускать в Израиль. Веня входил в сионистские круги Ленинграда. Он привлек меня, еще пару студентов физмеха и двух девушек из Кишинева к изучению иврита. Я согласился не ради отъезда (я бы не отважился тогда рискнуть институтом, боялся оказаться в армии), а потому, что считал, что еврей должен знать свой язык и свою культуру. К тому же мне приглянулась одна из девушек. Пару раз нас приглашали на чьи-то квартиры на просмотр слайдов с видами Израиля (их комментировал кто-то из старших), на празднование еврейских праздников. На уроки малой группы я какое-то время ходил, на просмотр слайдов (там выключали свет) - тоже, а на праздники избегал, боясь засветиться. На собраниях не принято было называть фамилии, но я даже имена не запомнил.

Иврит изучали по учебнику "Элеф милим" (тысяча слов), размноженному фотоспособом. Качество печати было низким; видимо сэкономили химикаты. Еще нам давали читать "Экзодус" Леона Юриса, "Фельетоны" Жаботинского и еще что-то. Вскоре я перестал делать домашние задания, отстал от группы и перестал ходить. Не было достаточной мотивации: ведь уезжать в Израиль я тогда не собирался, вообще не умел ещё принимать серьёзных решений.

Как-то в июне 1970 года мне позвонили, и незнакомый голос посоветовал убрать "всё из дома". На следующий день я узнал об аресте "самолетчиков"⁷ и

⁷ "Самолетное дело". Поскольку число евреев, безуспешно добивавшихся права на выезд в Израиль, намного превышало число тех, кто получал разрешение, группа рижан и ленинградцев во главе с Эдуардом Кузнецовым и Марком Дымщицем решились на угон малого пассажирского самолета из Ленинграда в Швецию. Комитет ленинградской сионистской организации после колебаний, отверг план угона, как нереальный и губительный для сионистского движения. Однако операция под кодовым названием «Свадьба» все же была подготовлена и начата

Утром 15 июня 1970 г. в ленинградском аэропорту "Смольное" и в Приозерске, месте промежуточной посадки самолета, все участники операции были схвачены силами госбезопасности. Одновременно были арестованы сионисты, не имевшие отношения к попытке угона. В десятках квартир были проведены обыски. Всего в Ленинграде, Риге и Кишиневе было предано суду 34 человека.

Приговор, вынесенный «угонщикам» в декабре 1970 года отличался необычайной суровостью, если учесть, что угон не состоялся, и никто не пострадал. Дымшиц и Кузнецов были приговорены к расстрелу, остальные – к длительным срокам заключения. Только международная волна протестов заставила власти заменить смертные приговоры на пятнадцатилетние сроки заключения.

понял, что это связано. Прятать мне было почти нечего, но на всякий случай я унес к своей будущей жене учебник иврита и какие-то тетрадки, которые жалко было уничтожать.

Как я позднее понял, Веня Гросман не назвал моей фамилии на допросах в КГБ, куда его вызывали неоднократно. Поэтому меня не тронули. Однако тех студентов нашей кафедры, которые ходили на праздники и которых засек стукач, "клеймили" на комсомольском собрании соседней группы (там до того учился и Веня). Хотя среди студентов у них нашлись защитники, их всё равно исключили из комсомола и выгнали из института. Выгнали, по ошибке, и ни в чем не замешанного Якова Бейлина, женатого на русской. Его спутали с другим Яшей (Лурье) из соседней группы, который не пострадал.

Вообще мне везло. Годом раньше я был в "интернациональном" студенческом строительном отряде в Выборге, где вместе с Лёней Гозманом выступил на собрании против комиссара отряда. В отместку тот выгнал нас из отряда и написал донос в комитет комсомола ЛПИ, что мы с Гозманом возглавляли "сионистскую группу" в отряде. Ничего хуже он выдумать не мог. К счастью, нашёлся порядочный человек, который вынул листок с доносом из отрядного отчета, а то я бы уже тогда вылетел из института.

Через пятнадцать лет, когда я уже вел себя совершенно иначе, курировавший меня кегебэшник (по-моему, его звали капитан Масленников) как-то проронил: "Откуда Вы взялись? Ведь мы проверяли; на Вас за прошлые годы ничего нет".

Интерес к еврейской культуре не пропал у меня и после окончания учёбы в институте. Читал, что мог достать. Со своей школьной компанией мы иногда отмечали Песах, ставили на стол мацу, читали кое-что из пасхальной агады, но дальше этого дело не шло. Логичность отъезда из СССР как будто всегда была понятна каждому из нас, однако инфантилизм характера, выпестованный тепличной атмосферой элитарной школы, долго мешал мне предпринять конкретные решительные шаги. Только под занавес массового отъезда, в конце 1979-го я отнес, наконец, свои документы в ОВИР. Если бы мне тогда сразу дали разрешение, я поехал бы в США.

Годы отказа совершенно изменили мой взгляд на мир и на моё место в нём. Никогда не будучи чужд еврейству, я в эти годы впервые серьёзно задумался над судьбами своего народа и полностью посвятил себя еврейским делам.

Новая жизнь началась для меня на нелегальных исторических семинарах Льва Утевского (см. ниже его статью – Н.Ю.) и Григория Кановича. Качество лекций было высоким, а сам факт их существования беспрецедентным. Десятки людей каждое воскресенье собирались вечером на маленьких частных квартирах, часами сидели и стояли в тесноте, рискуя быть задержанными милицией. Лекции давали нам знания, а мужественное поведение лекторов служило нам примером. Не случайно большинство из ленинградских еврейских активистов восьмидесятых годов вышли из этих семинаров.

Когда Утевский и Канович уехали в 1980-81 г. в Израиль, возникла проблема их замены. Давление властей на семинары и на другие формы еврейской жизни резко усилилось, но всё же под руководством Якова Городецкого и Григория Вассермана они еще некоторое время продолжали существовать. Лекции Вассермана были посвящены религии, а я заменил Кановича, начав выступать с докладами по истории евреев России. Всем было ясно, что эра массовых собраний кончается. Стало трудно, в частности, находить квартиры для проведения лекций, так как КГБ запугивал хозяев квартир. Именно тогда мне пришло в голову водить экскурсии по местам, связанным с еврейской историей города. Во-первых, не требовалась квартира. Во-вторых, это была удобная возможность в чрезвычайно доступной форме, через конкретные события излагать новичкам все главные проблемы, с которыми евреи сталкивались в течение своей истории в галуте. В третьих, участие в трёхчасовой лекции на еврейские темы, проходившей посредине улицы (иногда это был Невский проспект) давало людям ощущение преодоления типичного для советского человека страха перед участием в любой форме несанкционированного сверху публичного действия. В конечном счёте, это повышало чувство собственного достоинства слушателей, от чего, как известно, до сионизма один шаг.

Когда популярность моих экскурсий возросла, власти устроили на них облаву, и я был вынужден отказаться от этого занятия. Правда, к тому времени родилась уже другая форма – регулярный семинар по еврейской истории и культуре, предназначенный для подготовки тех, кто хотел заниматься серьёзной исследовательской работой и (или) преподаванием еврейской истории. Семинар просуществовал благополучно пять лет, его организацию и поддержание я считаю своим главным делом в годы отказа.

Что касается экскурсий, то я решил их записывать и публиковать по частям в самиздатском журнале "ЛЕА" (Ленинградский еврейский альманах), в редакцию которого (вместе с Юрой Колкером и Сеней Фрумкиным) я вошёл с начала 1984 года. С этого момента до моего отъезда в мае 1987-го вышло десять номеров альманаха, который был в те годы единственным самиздатским органом в России и одновременно первым еврейским периодическим изданием в Ленинграде после 1930-го года.

Вокруг семинара постепенно образовалась большая компания друзей, в которую входила и новая молодёжь, и некоторые старые активисты. С их участием стало возможно организовать что угодно, от лекции до *пурим-шпиля*, от журнала до митинга памяти жертвам Холокоста. По-своему это были счастливые годы. Несмотря на вечное напряжение и ожидание неприятностей в любой момент, неустроенный быт и не всегда крепкое здоровье, у меня хватало энергии на всё, так как впервые в жизни я видел смысл того, что делаю и видел результаты своего труда. Мы явно влияли на сознание людей. Личный опыт вступил в конфликт с постулатом исторического материализма о незначительности роли личности в истории. Осознание факта, что можно влиять на ход событий, неизменно придавало мне силы.